

Шварцштейн Леонид Абрамович

Л.Ш. -Я родился в 1925 году в городе Гайсин Винницкой области, но вскоре наша семья переехала жить в Умань. Летом 1941 года я закончил девятый класс средней школы и мечтал, что в следующем году поеду поступать в Киевский политехнический институт, где уже учился мой старший брат. Но, война «внесла свои коррективы» в мои планы.

В начале июля 1941 года, гражданское население, не желающее оставаться под немцами, стало бежать на восток. Уходили пешком и на подводах, бежали куда глаза глядят.

Мой отец в 1914 году был солдатом в армии генерала Самсонова, и когда эта армия была уничтожена в мазурских болотах, отец попал к немцам в плен, и четыре года отработал на шахтах в Германии. Отец сразу сказал-«Если мы останемся - то это, верная смерть». Никакой организованной эвакуации простого гражданского населения в Умани не было, каждый спасался как мог. Когда через нас в 1939 году шли голодные и измученные польские беженцы, мы были уверены, что нас такая участь не постигнет, что сильная и легендарная Красная Армия нас всегда защитит, но ... , и нам довелось проделать этот скорбный путь на восток под частыми немецкими бомбежками...Мы уходили на Кировоград, оттуда добрались до Макеевки, где жила наша родня, но вскоре немцы подошли к Донбассу, и мы снова были вынуждены спасаться бегством.

Доехали до города Вольска Саратовской области, и здесь решили остаться.

Отец работал бухгалтером на МТС, я пошел учиться в 10 -й класс, а старший брат Илья, он был 1919 года рождения, заканчивал последний, выпускной курс Киевского Политеха, эвакуированного в Вольск. Отношение местных жителей к эвакуированным было хорошим, мы не чувствовали себя чужаками. Летом 1942 года брат получил диплом инженера, но отказавшись от «брони», добровольно ушел в армию, и был направлен курсантом в пехотное училище в город Орджоникидзе. Меня в армию по возрасту еще не брали, до призыва оставался еще целый год, и я решил пока поступить в Новосибирский институт военных инженеров транспорта -НИВИТ. Сдал экзамены и был зачислен на 1-й курс. Студенты получили обмундирование - военную форму, были обеспечены трехразовым питанием, и этот спасало нас от тылового голода. Нам выдали удостоверения, в которых было черным по белому написано -« такой-то- имярек, находится на военной службе, и призыву не подлежит» - и подпись - генерал майор Котюков. «Бронь -железобетонная». Несмотря на войну, срок учебы в НИВИТ не сокращался. Начались занятия, но меня все время тяготила одна мысль, что война может обойти меня стороной, и что мое место на фронте, а не в учебной аудитории. Совесть моя была неспокойна. И когда от брата, попавшего вместе со своим училищем в пехоту в Сталинград, перестали приходить письма, то я, вообще себе места не находил. В конце 1942 года в институт пришли представители горкома и провели собрание под девизом -«Комсомольцы на фронт!». Из НИВИТ набирали ровно 100 добровольцев, и я без колебаний записался в список уходящих в армию.

Г.К. - На сайте есть воспоминания нескольких фронтовиков, бывших студентов НИВИТ. Один из них, бывший штрафник и танкист, Семен Ария, был направлен на фронт в 1941 году вместе со всем своим курсом, другой - артиллерист Красик, просто сбежал с группой товарищей на фронт. Впереди этих людей ждали ранения, потери боевых товарищей, но они ни о чем не жалеют. Вас война в 19 лет сделала инвалидом.

Иногда не возникала мысль, мол, зачем пошел воевать добровольцем, мог бы спокойно учиться и дальше?

Л.Ш. - Я сам выбрал свою судьбу, и никогда не ставил под сомнение правильность своего решения о добровольном уходе на фронт. И даже когда в 1945 году я лежал в госпитале в палате для «смертников», и врачи говорили обо мне -«этот до утра точно не протянет», я не испытывал раскаяния или жалости к себе. Была война, и я, воспитанный патриотом, должен был сделать для своей страны все, что мог.

Г.К - Куда направили добровольцев, новосибирских студентов?

Л.Ш.- Сначала мы оказались во 2-м ТАУ (2-е Томское артиллерийское училище), которое готовило артиллерийских офицеров для войны на гаубицах калибра 122-мм и 152-мм.

Но нашему курсантскому набору не повезло. Мы находились во 2-м ТАУ почти полгода, и за это время фактически ни разу не подошли к пушкам. В основном мы занимались хозяйственными работами, заготовками леса, «ишачили» как дармовая рабсила на каких-то заводах, и еще занимались различными прочими вещами,

не имеющими никакого отношения к боевой подготовке. Мы не могли понять - куда попали : в хозвзвод? в стройбат? в рабство? ... или , в конце концов, это все называется - артучилище РККА? Мы сидели на голодном пайке, и как «рабы» пахали на всевозможных работах, подгоняемые надсмотрщиками, вроде нашего старшины батареи, бывшего тюремного надзирателя Дранишников, любимой фразой которого была следующая -«Я вас, ..., научу, как свободу любить!». В апреле 1943 года из этого училища был сделан очередной ускоренный выпуск, ребята из предыдущего набора уезжали на фронт еще в старой форме, с «кубиками» в петлицах, и мы надеялись, что сейчас , наконец-то , займутся нашей боевой подготовкой, но все наши надежды были тщетными. Дошло почти до бунта , в один «прекрасный денек» курсанты зашли в столовую училища, но принимать пищу отказались. Поднялся шум, отголоски которого донеслись за стены училищного забора, во 2-м ТАУ появилась какая-то комиссия, и пошло -поехало. В июне 1943 года училище было фактически расформировано, и, как потом ходили слухи, начальника 2-го ТАУ отдали под суд трибунала. А наш курсантский набор просто раскидали по другим артучилищам. В составе группы из 50 человек я был направлен в Челябинск, где находилось в то время 1-ое Ростовское артиллерийское училище ПТА (1-е РАУ), которое готовило артиллерийских командиров для службы в противотанковой артиллерии, для войны на 45-мм и 76-мм орудиях. Училище размещалось в «Красных казармах». Поскольку во 2-м ТАУ мы ничего из программы пройти не успели, то нам пришлось всю учебу начинать с азов, с нуля . Как раз вышел приказ о переводе курсантов артучилищ на годичный срок обучения.

Г.К. -Года полтора тому назад я встречался с бывшим комбатом -«сорокопятчиком», Моисеем Дорманом, выпускником -1 -го РАУ, «образца августа сорок третьего года».

Я передам Вам текст его интервью. У него добрых воспоминаний об учебе в РАУ почти не осталось в памяти, и се подробности его рассказа об училище есть в тексте.

А как для вас сложился этот период курсантской жизни?

Л.Ш. - Лично я, этот год, проведенный в 1-м РАУ - вспоминаю добрым словом.

Высокий уровень подготовки, нормальные командиры, не утратившие человеческих качеств. Приличное питание и обмундирование . В училище была хорошая атмосфера, нам преподавали даже правила этикета и , страшно представить, - танцы... Все пытались сделать по стандарту царских юнкерских училищ. В увольнение мы ходили с саблями и шпорами на сапогах. Грамотно организованный учебный процесс, который планировал для нас бывший царский офицер, заместитель начальника училища по учебной части подполковник Деликторский. Из командного состава мне особенно запомнились : наш взводный офицер лейтенант Гомонов и преподаватель артсистем лейтенант Архипкин. Благодаря им , мы отлично знали наши орудия, и хоть боевые стрельбы проводились у нас редко, но мы чувствовали , что -« свой предмет знаем почти на отлично».

Но скажу честно, стрельб по танкам или по макетам у нас не проводили.

Они, Гомонов и Архипкин, были «тыловиками», но уже побывали на фронтовой стажировке, и, поэтому, старались не «перебощить» с дисциплинарными требованиями к курсантам. Единственное, что нам, бывшим горожанам -студентам, давалось поначалу с большим трудом, так это кавалерийская подготовка. Орудия наши были на конной тяге, вот нам и пришлось узнать , что такое - «судьба кавалериста». За каждым курсантом закрепили персонального коня, мне достался жеребец по кличке Ухажер. Выездка в манеже, рубка лозы, конная подготовка - все стало для нас будничной частью учебы.

Нас нередко водили на стрельбища , мы упражнялись в стрельбе из карабина , ППШ, метали гранаты - «лимонки». Что еще добавить о нашей учебе - даже не знаю...

В августе 1944 мы были выпущены из училища, и я , со своими верными товарищами Алексеем Вязниковым, Яковом Пайкиным, Варленом Соскиным и Колесниковым был направлен в Гороховецкие учебные лагеря, расположенные недалеко от Москвы, в офицерский артиллерийский резерв ГУА РККА.

Нам там сразу сказали -«Ребята, вы с 1-го РАУ? Так вы тут долго не задержитесь».

Как в воду смотрели, уже через несколько дней мы отбыли на фронт. Колесников попал в Польскую Армию, а нас, остальных четверых друзей, направили на 2-ой Белорусский фронт, где я попал в 49-ую Армию, в 42-ю Стрелковую Дивизию. В штабе артиллерии дивизии меня определили служить на батарею 45-мм орудий 455-го Стрелкового Полка. В сентябре 1944 года я уже оказался на Наревском плацдарме. Дивизией командовал полковник Слиц, но его вскоре заменил, кажется , генерал, или полковник Пачков.

Г.К.- Как встретили на батарее?

Л.Ш.- Полк находился на плацдарме, и когда я переправился и оказался в штабе полка, по всей линии нашей обороны была немецкая артиллерия. Пошел к батарее, рядом рвутся снаряды, постоянная дробь пулеметных

очередей, было немного «неуютно» на душе. Захожу в землянку к командиру батареи капитану Фунтикову, докладываю о прибытии и назначении. Смотрю, а у него на «полочке» стоит несколько бутылок «Тройного одеколона», сразу подумал, если здесь еще, бреясь, пользуются одеколоном, значит все не так и страшно. Капитан Фунтиков приказал ординарцу -«Зови взводных, отметим прибытие лейтенанта», и сразу спросил меня -«Закуска есть?»-«Есть, шматок шпика» -«Отлично!». Пришли взводные, и тут Фунтиков из этих бутылочек наливает каждому из нас по кружке одеколона. Все выпили залпом, а я, с непривычки, поперхнулся, закашлялся, я ведь даже водки раньше не пил. Фунтиков хлопнул меня рукой по спине, и грустно сказал - «М...да..., и чему вас только в училище учат?». Ординарец комбата отвел меня к моему взводу. Обязанности командира взвода исполнял командир первого орудия сержант Лебедев, прекрасный человек, очень опытный солдат, бывший директор школы, который и учил меня, как надо воевать. Только благодаря фронтовому опыту Лебедева, я остался жив на фронте, и сейчас с вами разговариваю...

Г.К. -Какова была структура полковой батареи 45-мм орудий ?

Считались ли вы, официально, - «противотанкистами»?

Л.Ш. - Например, наша батарея состояла из трех взводов, в каждом по два орудия.

Меня это удивило, поскольку раньше я думал, что в составе батареи 45-мм калибра обычно должно быть всего 4 пушки. Все артиллеристы батареи носили на рукаве эмблему противотанкиста -«черный ромб», и это, несмотря на то, что мы принадлежали обычному стрелковому полку, а не служили в отдельном ИПТАПе. Артиллеристы батареи считались бойцами ПТА, и получали полтора денежных оклада, моя лейтенантская зарплата была 1200 рублей. На полковой батарее 45-мм не было своего взвода управления или отделения боепитания. Был свой старшина, но полевой кухни мы не имели, все довольствие нам привозили из полковых тылов. Батарея была на конной тяге, в каждом взводе числилось по 5-6 ездовых.

Г.К. -Задачи полковой 45-мм батареи в бою?

Л.Ш.-Обычно, в наступлении батарея придавалась головному атакующему батальону, а когда всю пехоту выбивало, то артиллеристы сами становились единственной ударной атакующей силой. Несколько характерных примеров я вам обязательно приведу позже.

Кстати, в каждом стрелковом батальоне был свой взвод «сорокопятков» .

В обороне нас ставили «впереди передовой», прямо в боевых порядках пехоты, или «выносили» хорошо замаскированные орудия за наш передний край, ближе к «нейтралке». Вот вы меня спросили, чем мне запомнился период осенних боев за Наревский плацдарм, а в моей памяти никаких ярких эпизодов эти события не оставили. Стояли в крепкой обороне, были нередкие бомбежки, постоянные ежедневные перестрелки, поиски и схватки разведгрупп на «нейтралке», попытки проведения разведки боем, но я не помню, чтобы осенью или в начале зимы немцы предприняли серьезные попытки массированным ударом или танковой атакой сбросить нас с плацдарма. Для нас «стояние на Нареве» было фактически «отдыхом», мы не несли больших потерь, наш фронтовой быт «устаканился», был относительно неплохо отлажен для войны на плацдарме. Окопы вырыты по шею, идешь по траншее, тут и там стоят таблички-«Осторожно! Участок пристрелян снайпером», сначала опускали голову, а потом ходили не пригибаясь. И для моей полной адаптации к фронтовой обстановке эти «наревские» месяцы сыграли положительную роль. Я учился правильно и грамотно воевать. По настоящему страшная и кровавая война для нас началась 14-го января 1945, когда мы перешли в наступление. За полтора месяца зимы 1945 года мой взвод поменял полностью три личных состава, ... вот такие были потери...

Г.К.-Как для Вас лично начиналось наступление с Наревского плацдарма?

Л.Ш.-В начале января мы держали передовую линию, и в первых траншеях стрелков было очень мало. По 30-40 человек в ротах. И где-то 11-го января был дан приказ -«Занять центральную улицу!». И сразу траншеи наполнились красноармейцами, «яблоку негде было упасть». Накануне наступления нас вызвал начальник артиллерии полка, и, кажется, именно тогда нам вручили карты будущего района боевых действий. На них была обозначена территория района Цеханув, это где-то 50 километров в глубину немецкой обороны. Я вернулся к себе в блиндажик, там уже был гость, ротный -пехотинец, старший лейтенант, молодой парень из Днепропетровска, роту которого должен был поддерживать в атаке мой артиллерийский взвод. Он сказал- «Я уже четыре раза ранен, но немцы все добить меня не могут». Мы с ним попили чайку, обменялись адресами, чтобы сообщить родным на случай гибели. Тут он говорит-«Сахар остался. Давай доедим, а то утром убьют, так сахарку и не покушаем...». В девять часов утра началась наша артподготовка. И вскоре вперед пошла наша пехота. Я сразу дал приказ выкатывать орудия и двигаться за стрелками на расстоянии -30-50 метров. Сержант

Лебедев сказал мне - «Подожди лейтенант, сейчас пехота у «колючки» заляжет. Если мы высунемся - всем хана!». И ведь спас нас Лебедев этим советом. Как он и предвидел, пехота не прошла и 100 метров, и под убийственным немецким огнем отошла назад, на исходные позиции.

А ротного , старшего лейтенанта, сразу убило...Немецкая оборона была прорвана только вечером. Атаковали по ровному открытому полю. От моего взвода осталось всего пять человек :Лебедев, я , и три артиллериста. Соседним взводом командовал Вася, бывший детдомовец из Саратова, который славился редким на фронте «даром», он никогда не матерился, только говорил -«елки-палки». Из его взвода вообще никто не уцелел , все бойцы - или убиты, или ранены...Но когда я увидел, что от стрелкового батальона, который мы сопровождали в бою , осталось в строю всего одиннадцать человек , то был просто потрясен... Мы сели рядом с майором, командиром этого стрелкового батальона. Подходит к нему какой-то сержант и говорит - «Товарищ комбат, возьмите на память от моей погибшей роты», и дает в руки майору золотой трофейный портсигар. Майор подкинул портсигар на ладони и произнес -«Сегодня мне он достался, а завтра уже другому передадут...». А потом началось наше стремительное наступление по направлению к Пруссии, за день, мы, иногда, вместе с пехотой проходили по 50 -80 километров, преследуя отступающих немцев.

Г.К.- Еще когда Вы учились в РАУ, то имели представление о высоком уровне потерь у артиллеристов, воюющих на «сорокопятках»?

Л.Ш.- Да, разговоры на эту тему часто заходили среди курсантов, но когда ты вдали от фронта, то тебе кажется , что все обойдется. Что именно тебя не убьют, и ... прочая дребедень. Но когда у тебя в наступлении, каждые 10 дней, полностью обновляется личный состав взвода, начинаешь понимать - что скоро и твой черед придет, и придется удобрить своими костями польскую или немецкую землю. Что скоро и ты дашь работу полковому писарю, «пособишь» заполнить стандартный текст похоронки -«Ваш сын... верный воинской присяге... пал смертью храбрых ...». У нас, у «сорокопятчиков», шансов выжить было намного меньше , чем у пехоты. Все время на прямой наводке, или идешь вместе с атакующими стрелками вперед, рядом с орудием, в полный рост, по открытому полю, и нельзя тебе ни на землю упасть, ни за щитком спрятаться , так как обязан видеть всю картину боя и «поддерживать огнем и колесами». Знакомые офицеры как тебя видят , так сразу говорят -«А,... «прощай Родина», ты еще живой?».

Сетовали ли мы на свою фронтовую долю? Вряд ли...

Люди приходили с пополнением в ПТА без мандража и истерик , и честно выполняли свой долг. Хотя мы понимали , что фронт глубокий, и те кто сидит во втором или в третьем эшелоне, в штабах и на складах , останутся живыми, а нам просто выпал другой жребий...Страшные потери... У меня все карманы шинели всегда были забиты документами и орденами убитых, ребята собирали их у мертвых, для передачи в штаб полка.... Как-то нам передали указание из штаба, после боя собирать стрелянные снарядные гильзы и писать отчет - сколько гильз собрали и сдали на склад.

Мне Лебедев говорит -«Лейтенант, мы этим заниматься не будем. Отчеты пишут живые, а нам с тобой это не грозит».

Мой товарищ по РАУ , бывший лейтенант -«сорокопятчик», Варлен Львович Соскин, после войны стал доктором исторических наук и профессором НГУ, недавно мне прислал письмо из Новосибирска. Он как раз писал научную статью о боях за Данциг (где его, кстати, тяжело ранило), и в Подольском архиве нашел документы, сводки о потерях его 1064 -го СП 281-й СД 2-ой УА. Вот что он обнаружил в донесениях штаба полка -Потери полка за период 14/1/1945 -10/2/1945 составили -1070 человек убитыми и ранеными . Сводка потерь за период 6/3/1945-11/3/1945 (начало битвы за Данциг)-выбыло из строя -289 человек., за всего 4 дня , с 21-го по 24-е марта 1945 года полк потерял -135 человек. На 9/5/1945 в полку числилось всего 245 человек , во всех подразделениях!... Чуть больше 10 % процентов от штатного состава...

И когда вам кто-то скажет, что мы в сорок пятом году научились воевать малой кровью, вы ему эти данные приведите....

Г.К.- Были мгновения, что трудно было совладать со страхом?

Л.Ш.-Один раз. В феврале, морозным утром, мы должны были пробиться через сильно простреливаемую противником дорогу. Пехота уже прошла вперед, дорога была завалена телами, и тут наступила наша очередь, нам дали приказ -«Вперед!».

Как только мы появились на дороге, немцы открыли шквальный огонь, а мы неслись на всех рысях, прокатываясь колесами пушек по своим убитым и раненым пехотинцам, лежащим на земле... И когда мы прорвались через эту дорогу, и, оглянувшись назад, поняли, что сейчас произошло, то я подумал, ... твою

мать..., что же это такое..., как же так.... Но на сантименты времени не оставалось. Мы дальше пошли по открытому снежному полю, параллельно к уже отбитым у немцев, трем линиям траншей, расположенных на расстоянии 40-50 метров, одна от другой. Мы двигались рядом со второй, средней траншеей. Я тогда уже командовал батареей, капитана Фунтикова к тому времени тяжело ранило, его отправили в госпиталь. И вдруг, с двух сторон, с первой и с третьей траншеей по нам открыли убийственный огонь в упор. Лошадей сразу побило, упали сраженные пулями несколько артиллеристов, и мы, спасаясь от смерти, прыгнули в среднюю траншею, а там в окопах - никого. Забрались в дн большой блиндаж. Немцы нам кричат - «Рус! Сдавайся!». У меня наводчик был, молодой казах, он сам добровольно вызвался на смерть: - попробоваться подползти к нашим брошенным орудиям, чтобы попытаться выпустить по немцам несколько снарядов, и отвлечь их внимание. До «сорокопятки» он дополз, но как только поднялся со снарядом, так моментально был срезан пулеметной очередью... Жаль, что сейчас уже не могу вспомнить его фамилии...

Там расстояние до немцев было, всего - ничего, промахнуться нельзя... А немцы к нам подобрались по ходам сообщения, прижали и обложили со всех сторон. Мы только нос из блиндажа высунем, так по нам начиналась остервенелая стрельба.. И я подумал, что все, это конец... И тут вижу, что у меня стали дрожать колени, и так стыдно стало, а вдруг кто-то из моих бойцов это заметит... А дрожь никак не могу унять, нервное потрясение.

У меня было две гранаты, я их достал, вставил запалы, и сам для себя решил, что буду подрываться, в плен не пойду. Пистолета у меня не было, я его не носил, и даже у начбоепита полка никогда не получал, воевал с автоматом ППШ., да еще всегда таскал при себе саперную лопатку, на случай рукопашной. И тут в блиндаж заваливаются не немцы, а командир минометной роты полка вместе с радистом. Увидел, что мы попали в засаду и по своей инициативе пробился к нам на выручку. Он связался по радиации со своими минометчиками и отдал приказ - «Огонь на меня!», и сразу добавил - «Но если вы меня, черти, убьете, я вернусь и вас всех потом расстреляю!». И после этих его слов, я рассмеялся, дрожь прошла, на душе стало спокойно. Свои мины нас не заделали, вскоре подошла на помощь наша пехота... Мы похоронили убитых батарейцев прямо на месте боя... И снова пошли вперед... Завязывается бой за небольшой немецкий городок. Немцы не отходят, бьются до последнего, у нас снова потери. Ночью бой затих, а на рассвете полковая разведка докладывает, немцы ушли, город пустой! Мы зашли в него, бойцы разошлись по домам, чтобы согреться после ночи, проведенной на морозе и на снегу, и в это время над городом появляется десятка наших штурмовиков ИЛ-2.

Те, кто еще был на улице, начали кричать «Ура!», и тут на наши головы с неба полетели кассетные бомбы и эРэСы. Много наших побило. Хорошо, что командир стрелкового батальона, стоя под разрывами, смог выпустить в небо несколько зеленых ракет, и штурмовка прекратилась, но два полных захода летчики успели сделать...

И когда я еще раз, прогнал как кинолентку, в своей памяти, все события минувших суток - мне стало страшно...

Г.К. - Давайте пойдём по списку «общих вопросов».

Как складывались отношения между солдатами и офицерами на батарее?

Л.Ш. - Отношения были нормальными. К нам на пополнение обычно присылали недавно мобилизованных украинцев и молдаван, было несколько нацменов, но никаких трений в отношениях между солдатами я не заметил. Командирами орудий и наводчиков старались ставить только русских, и тому были объективные причины. А отношения между взводными офицерами были товарищеские, и с комбатом Фунтиковым мы находили общий язык. Он был хороший мужик, боевой офицер, смелый артиллерист. Правда, пару раз, мы с ним слегка «сцепились». Сразу после январского прорыва, Фунтиков распорядился заполнить наградные листы на оставшихся в живых артиллеристов.

Я написал наградные, отдаю листы Фунтикову, а он спрашивает - «А на себя чего не написал?» - «Товарищ капитан, да как можно, на самого себя? Вы мой командир, если я чего заслужил, вы и представляйте» - «Гордый ты нас Шварцштейн, но я тебе что, писарь, бумагу маришь? Сам не хочешь написать, так и ходи без ордена». Прошли две недели, меня ранило осколком в ногу, но я остался на батарее, ранение легкое, боль терпимая, да и я, в основном, на коне передвигался. Заняли с боем, немецкий город, пришел замполит и сказал, что меня представляют к ордену Красной Звезды.

Но получить его мне не довелось, 23/2/1945 меня тяжело ранило, и только в конце 1945 года, после того, как я вернулся из госпиталей домой, меня вызвали в горвоенкомат и вручили медаль «За Отвагу».

Г.К. - Кто из командования полка или дивизии Вам особо запомнился?

Л.Ш. - А я их почти ни разу не видел, и лично никого близко не знал.

Командиров стрелковых батальонов помню, а офицеров штаба полка или дивизии - нет, это уже другая «весовая» категория, слишком от нас далеко все это находилось.

Но один раз довелось увидеть самого комфронта Рокоссовского. Он прибыл в полк, и нам передали указание - «Все офицерам немедленно явиться на командный пункт полка!». Но пока мы по снегу и грязи дошли до КП, это взяло время.

Рокоссовский стоял и смотрел на часы, и когда мы, человек десять офицеров, с трудом доковыляли до штаба, то Рокоссовский, (даже не выслушав доклада, от старшего из нас по званию, о прибытии), покрыл нас матом.

Так что, я могу собой «гордиться», сам командующий фронтом матом удостоил.

Один раз произошел курьезный эпизод. Мы наступаем, и видим, что немцы отходят на Данциг по параллельной дороге. Мы наверху, а немцы в низине, сразу развернули пушку, я только встал к наводке, и тут появляется группа старших офицеров. Среди них генерал - майор. Кто такой? - я и знать не знаю, но он отдает приказ - «Лейтенант, пустите полковника к прицелу! Он у нас бывший артиллерист». Я откозырял, отошел от орудия, и к пушке подошел дородный дядька, в полковничьих погонах на шинели. Он пустил по немецкой колонне три снаряда, и все ушли в «молоко», мы даже разрывов не увидели. Немецкая колонна на скорости скрылась в лесу. А ларчик просто открывался, перед началом стрельбы, полковник, видимо, с возрастом утративший навыки наводчика, не закрепил сдвинувшийся прицел, и поэтому промазал.

Г.К. - С политработниками и «особистами» сталкиваться на фронте пришлось?

Л.Ш. - Политработники нередко приходили на батарею перед боем и после него, среди них в основном были хорошие люди, заботились о нашем снабжении, представляли отличившихся к наградам. Один из них, правда, урод попался. Пришел во взвод и стал командовать моими бойцами, свои порядки наводить. А бойцы все злые, только из боя вышли. Они его избили и сказали - «Слово еще вякнешь - застрелим!».

Но вот когда некоторые из ветеранов начинают сочинять, что политруки в конце войны шли рядом с солдатами в бой, поднимали людей в атаку с криками «За Сталина!», то я таким «байкам» просто удивляюсь. Может в сорок первом такое где-то и было, но в последний год войны, комиссары в бой не ходили.

По крайней мере, я таких никогда не встречал. Люди шли в атаку, на смерть, и в эти мгновения лозунги «За Сталина!» у нас никто не орал. Командиры - пехотинцы поднимали людей «стандартной фразой» - «Вперед! Е. Вашу мать!», а потом, с криком «Ура!!!!» и диким матом - стрелки шли в атаку.

А вот «особистов» вблизи передовой, я не видел ни разу. СМЕРШ рядом с нами не стоял, у нас же убиат, а им жить больше всех хотелось. Может, кто-то и был у них на нашей батарее завербованный «стукачок», но это вряд ли, слишком высокая у нас была «текучесть кадров» и «смертность личного состава». У нас никто не боялся поднять с земли немецкую листовку и прочесть, что там фрицы пишут.

Г.К. - И насколько сильны были в выдумке немецкие пропагандисты?

Л.Ш. - Например, бросали нам листовки с заголовком - «Жизнь власовцев», с фотографиями отпечатанными на листовке, где сытые и мордатые «власовцы» танцуют под гармошку с девками. Иногда были «листовки - страшилки». Сверху написано крупными буквами - «Вы еще удивитесь». Ниже шла строчка - «Командиры гонят вас на убой, за вашими спинами остаются горы трупов ваших боевых товарищей». Опять строка с крупными буквами, и снова написано - «Вы еще удивитесь». Под ней мелким шрифтом написано, что скоро у вермахта появится новое оружие, и только сдача в плен, спасет красноармейцев от неминуемой гибели. И так - до конца листа - «Вы еще удивитесь!»

Редко попадались «старые» листовки с текстом в стиле - «а ля - сорок первый год» - «Вы воюете за власть жидов. Убивайте жидовских комиссаров. Немецкая армия несет вам освобождение от большевизма». Но я не припомню, чтобы у нас на батарее, кто-то, под воздействием немецкой пропаганды, перебежал к противнику.

Г.К. - Как кормили артиллеристов? Как дело обстояло с «наркомовскими» ста граммами?

Л.Ш. - Снабжали нас относительно неплохо, но в наступлении мы питались «трофеями». Нас заставляли снаряды перекладывать в лотки и размещать их на передках, но Лебедев мне сказал, что это глупость, что в бою у нас не будет времени доставать снаряды из лотков, и надо держать боекомплект в ящиках. А передки были забиты «трофейной едой»: спиртом, салом, окороком, мукой, картошкой. У каждого расчета или взвода уже была припасена большая сковородка, и как только мы занимали какой-то городок или село, и нам выпадала передышка на несколько часов, так сразу артиллеристы начинали печь блины на этой сковородке. С тех пор я на блины смотреть не могу, переел их на войне.

Мне лично очень нравился немецкий искусственный мед в картонных упаковках.

Спирта мы набрали столько, что нам бы его хватило до конца войны.

Как-то, когда я уже стал комбатом, наша батарея первой ворвалась на немецкий спиртзавод. И хоть и предупреждали нас политруки, что «нельзя и все такое прочее», но бойцы сразу стали расстреливать бочки и цистерны из автоматов, и набирали спирт во всевозможные емкости. Вскоре на этот завод сбежался весь полк, на танках прибыли какие-то танкисты, подъехали самоходчики на своих «сушках», и начался полный бардак. Сержант Лебедев мне посоветовал - «Лейтенант, уходим, сейчас тут все разбомбят». Быстро оттуда убрались, (благо, мои артиллеристы первыми спирт набрали, и долго их собирать в пьяной толчее по заводу не пришлось), как сразу налетела немецкая авиация и разнесла этот завод в щепки, вместе с бойцами, избавив многих навеки от похмелья... Вечером вся батарея собралась в большом особняке, я разрешил всем разлить по стакану спирта. Лег спать, меня кто-то будит - «Товарищ лейтенант, зайдите в соседнюю комнату». Захожу, а там на столе «батарея» бутылок, все заставлено закуской, Бутылки со шнапсом, трофейными винами и коньяком, и с «нашим» спиртом, нами утром взятым на еще не разбомбленном заводе. Ну, мы и «врезали по алкоголю». Ночью объявляют тревогу, а у нас все «мертвые», вповалку. Хорошо, хоть ездовые в последнем возлиянии не принимали участия, они пошли поить коней и были относительно трезвыми. С их помощью, тех батарейцев, кто не смог сам встать и «не вязал лыка», как дрова сложили на повозках, и мы тронулись на точку сбора. Добрались, и я доложил - «Батарея по вашему приказу прибыла!». А утром стали просыпаться артиллеристы, и долго не могли ничего понять, спать они ложились на хозяйских перинах в двухэтажном особняке, а тут, валяются на повозке для снарядов, да вокруг лес, и неподалеку уже начинается разгораться бой.

Г.К. - Батарею не переводили с конной тяги?

Л.Ш. - Нет, машин при мне артиллеристы не получали, вся транспортировка орудий была только на лошадях. И я бы памятник из золота поставил коням на войне.

Сколько раз они нас спасали, выручали. Я два раза мог погибнуть, если бы не наши кони. Один раз мчимся по открытому полю, по нам ведут сильный артиллерийский огонь. Снаряды рвутся совсем рядом. Перед нами ров. Кони встали, расчеты разбежались от орудий по сторонам, пытаюсь укрыться от осколков, а я встал между двумя лошадьми. Потом взрыв в двух метрах от меня, и провал в сознании. Очнулся - весь в крови. Только кровь не моя. Это лошади меня собой прикрыли - приняли на себя все осколки, и были убиты. Другой раз, несусь по лесной дороге, передо мной открытая поляна. Расчеты с пушками мчатся сзади, а вслед за ними идет «полупорка». Только мы выехали на эту поляну, как по нам открыли огонь из пулеметной засады. Назад нельзя, «полупорка» закупорила собой лесную просеку. Несемся дальше вперед. Передо мной неширокая и неглубокая речушка, всего метра четыре в ширину, но мостик через нее разрушен. Мой конь вошел в воду и остановился. Одна нога у коня застряла между камней. Дно у речушки было каменистое. А пулеметы продолжают по нам бить. И тут конь вырвал застрявшую ногу и вынес меня из под огня. Я потом посмотрел на эту ногу - вся в крови, копыто сорвано с мясом. Я расседлал коня, и отпустил его, может кто из местных крестьян поймает и возьмет его в хозяйство.

Г.К. - Немцы при отступлении постоянно применяли тактику заслонов - засад?

Л.Ш. - Мы очень часто сталкивались с засадами. Помню один эпизод.

Идем по лесной просеке, и тут по нам стали стрелять «кукушки», засевшие на верхушках деревьев. Свернуть нам некуда. Перед нами полоса в несколько десятков метров открытой местности. Мое орудие выпустило целый ящик осколочных снарядов по деревьям, все равно пройти не можем, по нам стреляют, мы несем потери.

Командир стрелкового батальона обратился к своим бойцам - «Солдаты! Кто снимет «кукушку»? Кто желает заслужить орден Красного Знамени? Добровольцы, ко мне!».

Но желающих не оказалось, и комбату пришлось назначать людей на это задание.

Первый пошел, сразу убило. Тогда комбат указал пальцем на следующего бойца.

Он комбату - «Товарищ командир, у меня трое детей», но комбат приказал - «Выполнять!», добавив пару крепких слов. Боец пополз, и, метров через двадцать, очередь... и его убило, стреляли наверное зажигательными, над шинелью погибшего поднялся дымок. Мы еще один ящик осколочных расстреляли по лесу, бесполезно, «кукушки» продолжают стрелять. И только после этого, нам разрешили обойти этот лес с другой стороны, а не переть напролом.

Или тоже бы случай. Мы заняли позиции на прямой наводке, за нашей спиной немецкий поселок, который был взят накануне. Начался бой, и в это время, засевший сзади, в домах, немецкий снайпер стал «выщелкивать»,

одного за другим, бойцов на огневой. И пока до него успели добраться и застрелить, он убил точным огнем человек семь наших бойцов.

Г.К. -Вам лично приходилось самому вставать к прицелу на место наводчика и вести огонь по противнику?

Л.Ш. -Такое произошло раза четыре, и я вам честно скажу, что когда ты видишь, как разрыв от выпущенного тобой снаряда, раскидывает по сторонам убитых гитлеровцев, то на душе сразу наступает такая радость. Удовлетворение высшей степени- Отомстил!

Г.К. -Вы ощущали себя мстителем?

Л.Ш.- Да , я шел к Германии с одним страстным желанием - мстить и убивать. И помимо общего желания уничтожить врага, у меня были личные причины на месть. В ноябре 1944 году , на 3-м БФ, в Восточной Пруссии, в районе города Гольдап был смертельно ранен мой брат Илья. О том, как он умирал , мне написал его фронтовой товарищ Музыченко. Но еще до этого я узнал, что немцы сделали с евреями города Умань, да и всего мира. И я решил, что буду поступать с немцами также, как они поступали с моим советским и с моим еврейским народами. Но когда я первый раз столкнулся с гражданскими немцами, мне не захотелось их убивать. Передо мной стояла пожилая немецкая пара, и рука не поднялась. Так и никого не трогал, ни разу... Как-то попал к нам в плен молоденький немчик , лет семнадцати. Я четко осознавал, что если пошлю его с конвоем в наш тыл, то не доведут, обязательно «шлепнут» по дороге. Спросил у немца -«Ты кто?» - «Артиллерист»-«К нам пойдешь подносчиком снарядов?» -«Да». Три дня он воевал у нас в расчете, а потом я лично отвел его в штаб полка и передал под охрану.

Г.К. -Расскажите о Вашем последнем бое?

Л.Ш. - Это произошло ночью с 22-го на 23-е февраля 1945 года . Накануне ко мне подошел Лебедев и сказал - «Поп приснился , весь в черном... Это значит , что убьют меня сегодня. Точно...». Но Лебедев мне уже столько раз спасал жизнь, был моим ангелом - хранителем, и когда я понял, что предчувствия не обманывают сержанта, то решил отправить его в тыл, тем более, что подходящий повод нашелся.

У нас как раз одна пушка находилась в дивизионных арт.мастерских на ремонте, так ему сказал, чтобы он отправился туда за орудием, и раньше чем через сутки не возвращался. Так мы пытались обмануть и судьбу, и «костлявую с косой»...

Но и у меня самого, настроение было похоронным. У меня 23-го февраля ранее в жизни случались крупные неприятности, еще в юности , в этот «злополучный» день, я два раза ломал себе кости. И когда Лебедев ушел, на меня нахлынула черная тоска, я стал готовиться к смерти . Сел писать последнее письмо родителям, почему-то старался, чтобы слова в нем были самыми добрыми и ласковыми. Но так и не дописал его, положил в полевую сумку. И ночью немцы по нам ударили с тыла, на нас пошли лавиной танки. Лошади на дыбы, крики, шум моторов. Вокруг все моментально озарилось огнем, стало светло как днем. Мы даже не успели развернуть все три орудия , оставшиеся на батарее. Потом... рядом со мной разорвался снаряд, я упал на землю, и последнее , что увидел , перед тем как потерять сознание, так это как немецкий танк идет прямо на меня и сейчас раздавит. И тут я «вырубился»... Очнулся я только утром, когда меня нашел мой ординарец с санитарями. Он сказал, что всей батарее пришел каюк, что целыми и невредимыми остались только он и командир второго взвода лейтенант Макаров.

Я посмотрел направо, а на земле танковый гусеничный след, колея в метре от меня...

Меня положили на носилки и понесли в тыл. Навстречу бежал сержант Лебедев, он уже узнал, что его батарею разбили. Он шел рядом с носилками, сжимал мою руку и говорил -«Держись комбат, выживем». Я прохрипел -«В сумке.. письмо... отправь...». Лебедев это письмо отослал, и родители его получили. А потом у меня с ними не было связи несколько месяцев , но они продолжали получать деньги по моему аттестату, и тогда это означало одно : если деньги переведены - значит человек еще жив...

Г.К.-Что было с Вами после ранения?

Л.Ш.- Принесли в санбат. А там рядами стоят на земле множество носилок с ранеными . Но почему-то раненых офицеров первыми заносили в операционную палатку. Несправедливо конечно, но, видимо, кто-то из медицинского начальства так распорядился. Вскоре занесли и меня на хирургическую обработку. Первым делом

вытащили гранаты из карманов шинели, забрали документы, сняли ремни. У меня были множественные осколочные ранения : в ноги, в голову... Дали наркоз- хлороформ... Вытащили часть осколков, а самый большой осколок попавший в колено побоялись трогать и отправили меня в полевой госпиталь, там снова меня потрошили хирурги, а потом решили переправить меня в другой госпиталь, в город Быдгощь, сказали, что там есть рентгеновский аппарат, а без рентген-снимка они дальше резать ногу опасаются. Боли были дикими , мне постоянно вкалывали пантопон. Привезли в Быдгощь но там рентгена не оказалось. А у меня начался сепсис, поднялась температура за сорок, ее не могли сбить. Я бредил и угасал. И меня перенесли в подвал, где находилась палата для «смертников». Там мертвецкая рядом была расположена, так чтобы с этажей потом трупы не таскать, явных, «стопроцентных кандидатов на тот свет», заранее собирали в этой палате. Все в госпитале знали, что означает перевод в подвал, и когда меня занесли в эту палату, сознание прояснилось, и я пытался мужественно встретить смерть, шептал -«Отомстил за брата , отомстил...». Рядом со мной лежал и бредил обгорелый летчик, и к утру он отошел в мир иной...Но ведь бывают на свете и чудеса. Тем же утром в город прибыл так называемый Ачинский хирургический госпиталь, в свое время сформированный в Красноярском крае. Там был рентген. Обо мне вспомнили, вытащили из подвала, закинули носилки со мной в кузов грузовика и отвезли в Ачинский госпиталь. Меня осмотрела главный хирург госпиталя Софья Михайловна Рогинская и решила меня спасти. Она лично выхаживала меня, возможно я напоминал ей сына, но я всю жизнь благодарен этой женщине, спасшей меня от смерти. Сепсис врачи одолели, а Рагинская сделала мне операцию , резекцию колена, выпилили части сустава , но боли в колене были ужасными , это трудно передать словами ... Меня заковали в панцирь из гипса, по грудь. Занесли из операционной обратно в палату. Кинули в «кровать» - на первый ярус двухэтажных нар... Солома настелена на деревянных нарах , сверху мешковина. Подушки тоже набитые соломой. Я умолял -«Доктор, да отрежьте вы мне эти ноги! Сил моих больше нет, так мучиться!», но Софья Михайловна отвечала -«Ленечка, потерпи, ты еще на этих ногах танцевать будешь». Месяц меня держали на наркотиках, а потом прекратили эти уколы, чтобы я не стал морфинсом. Далее, меня самолетом отправили в другой госпиталь , в Белосток. Занесли в самолет «дуглас» девять тяжелораненых и полетели. Стрелок -радист к нам спускается, и начинает рассказывать всевозможные «летные байки», а мы его спрашиваем -«Парниша, а чего ты свой пулемет бросил? А вдруг сейчас какой- нибудь шальной немец на истребителе появится, кто нас тогда защитит?» А он отвечает-«А что я своим пулеметом немецкому истребителю могу сделать? Ничего!У нас в эскадрилье каждую неделю кого-то сбивают». После его слов среди раненых воцарилось молчание, мало мы бед на земле перенесли, как тут нам такую «воздушную перспективу» обрисовали. Долетели до Белостока, а оттуда санитарным поездом нас отправили в Харьков . Добралась мы туда холодной ночью, и носилки с ранеными на вокзале таскали не санитары, а студентки Харьковского медицинского института. На меня как посмотрят, так проходят мимо, я весь в гипсе, сразу видно, что нести будет тяжело. Я взмолился -«Девушки, вы хоть в здание вокзала меня занесите, а то я на перроне скоро от холода околею». Начали развозить нас по госпиталям - нигде никого не принимают, все забито ранеными под завязку.

В очередном госпитале какая-то медсестра -еврейка на меня посмотрела и сказала -«Вот этого к нам сгружайте, он совсем доходной». Здесь в харьковском госпитале меня застало известие об окончании войны. А 14 - го мая, в день моего рождения, с меня сняли гипс.

Я только взглянул - все тело в гною и язвах, так потерял сознание. Лежал на койке, думал, как жить дальше, после операции одна нога стала короче другой на восемь сантиметров, и это означало, что всю оставшуюся жизнь я буду «костыльником».

Не хотелось ни есть, ни разговаривать с кем либо, я замкнулся в себе . Депрессия... Товарищи по палате не могли меня расшевелить. В этом госпитале была врач Янина, скорее всего полька по национальности, и как-то она меня спросила -«Ну хоть что-то ты еще хочешь в этой жизни?». И я ответил -«Селедки». И в тот же день она принесла мне сельдь. И вроде - «мелочь жизни», но после этого случая я снова воспрял духом, опять научился смеяться. Рядом со мной лежал один раненый, деревенский мужик, так ему из дому написали, что купили в хозяйство телят. Все лежат на койках, делятся фронтовыми воспоминаниями, зачитывают вслух письма из дома, или «травят байки» , рассказывают всякие случаи из жизни, или анекдоты . А мужик этот, без устали, долгими часами рассуждает вслух, что он сделает с этим телятком, когда вернется домой. Пока ему кто-то из раненых не сказал -«Иван Васильевич, ты очень высокого мнения о своем телятке», и тут вся палата, «упала» со смеха, и я тоже засмеялся . А потом рассказал ребятам, как шли за отступающими немцами , переход был тяжелым и долгим, я еду на передке орудия, и тут ко мне подходит пехотный капитан и просит - «Лейтенант, дай посидеть, покурить спокойно хочу. С самого сорок первого года своими ногами топаю. Если бы ноги стирались, я бы уже их до самых яиц стер!». И снова все хохочат, и я тоже. Тогда понял, что кончилась моя тоска, живем братцы дальше!

В августе 1945 года я прошел медицинскую комиссию, получил при выписке из госпиталя справку, что отныне являюсь инвалидом 2-ой группы.

Выдали крепкие костыли и новую офицерскую форму из хорошего английского сукна, и в сопровождении медсестры отправили меня до Москвы. В столице медсестра купила мне плацкартный билет в нормальный пассажирский поезд следующий до Новосибирска.

Я поблагодарил ее, простился с нею, и через пять дней, я, на костылях, уже шел по улице, на которой жили мои родители. Прошло еще некоторое время, я бросил костыли в сторону , и стал , (и по сей день), передвигаться с палочкой.

Г.К. - Вернулись назад на учебу в свой институт?

Л.Ш. -Да. Меня снова взяли на 1-й курс, невзирая на то, что я стал инвалидом, а наш институт все - таки военный, и для учебы в нем набирали здоровых парней.

Из 100 добровольцев, ушедших из НИВИТ в армию в январе 1943 года в институт вернулось только двое : я , и Екимов, возвратившийся с фронта без ноги.

Остальные... или погибли на фронте, или, оставшись в живых, после войны не вернулись в Новосибирск. Поскольку институт находился в ведении МПС и МО , нам платили стипендию -300 рублей, давали железнодорожную форму. Я еще получал пенсию по инвалидности -405 рублей, так что бедствовать в студенческие годы мне особо не пришлось. Закончил я институт с отличием, и на распределение при выпуске заходил первым. Мне говорят - «У нас есть пять мест на работу в московский Метрострой. Жильем обеспечивают. Согласен?» -«Конечно». Дают направление , подписанное заместителем министра МПС по кадрам. Приезжаю в Москву, мне говорят , что у них в Метрострое свободных вакансий нет и не было , произошла какая-то ошибка, и если я хочу, то могу поехать на строительство киевского метро, там люди очень нужны, да и комнату молодым специалистам сразу дают. Приехал в Киев, где мне в отделе кадров отвечают - нам инженеры не нужны. Отправляйтесь в Щербаково, там вас точно на работу возьмут, тем более фронтовика, закончившего институт с «дипломом с отличием».

В Щербаково мне говорят -«Понимаете, у нас все-таки воинская часть, и мы инвалидов на работу принять не можем, даже если речь идет о инвалиде войны. А вы поезжайте в Киев, там специалисты требуются». За месяц этих странствий я прокатал и «проел» все подъемные деньги, дошло до того, что мне уже не на что было кусок хлеба купить. Возвращаюсь в Москву, и выясняется, что все четыре выпускника, получившие вместе со мной направление на работу в Метрострой, уже спокойно там работают, и получили комнаты в общежитии . И тут до меня дошло, «где собака зарыта». Как раз в самом разгаре была «борьба с космополитами», и мне нередко приходилось драться, когда, например, в автобусе, очередная пьяная харя кричала мне -«Жидовская морда!», или еще похлеще -«Смерть жидам! Жиды - враги народа!». И все вокруг молча улыбались...

И тогда я пошел прямо в Министерство путей сообщения. Долго сидел там в приемной, «качал права», пока меня не согласился принять лично сам заместитель министра по кадрам. Я решил, что надо пойти ва-банк , терять мне уже нечего, и ему все высказал -«Вы сами подписали мне направление на работу в Москву. Зачем ? Так бы сразу и сказали, что для евреев в нашей стране работы нет и что евреи здесь уже людьми не считаются. И куда мне теперь обращаться? Сразу в ЦК КПСС, или в ООН письмо написать?». Заместитель министра куда-то позвонил, кого-то , в моем присутствии, отчитал -«Я же не приказывал , что этих вообще на работу не брать, надо же иногда делать исключения, ты же сам видишь, что он фронтовик -инвалид , а не какой-нибудь хрен с горы», и после этой телефонной беседы , сказал мне , чтобы я успокоился и зашел к нему через два часа. И через два часа зам.министра направил меня к начальнику управления « Главтоннельметрострой» Самодурову, который приказал взять меня на работу. Так я остался жить и работать в Москве. Проработал там почти сорок лет , а в январе 1990 года мы с женой Далилой уехали жить в Израиль, а сын Илья, с женой Евгенией и дочерьми Татьяной и Полиной еще ранее уехал на ПМЖ в Канаду.

Почти каждый год они навещают нас здесь, а мы ездим к ним в гости в Канаду.

Г.К. -Кого-то со своей батареей после войны посчастливилось встретить?

Л.Ш.- Искать было некого, почти вся батарея погибла. Пробовал найти сержанта Лебедева - безрезультатно. Жаль... Лебедев был великолепным человеком...

Нашел только своих друзей по 1-му РАУ: Алексея Вязникова и Варлена Соскина.

Как-то Вязников приехал ко мне в гости в Москву, идем с ним по улице Горького, и Алексей мне говорит -«А интересно, Яша Пайкин живой остался, или погиб на войне?». Прошли еще сто метров и сталкиваемся , лоб в лоб ... с живым Яшей Пайкиным, которого мы не видели с лета сорок четвертого года... Мистика.

А сейчас уже и нет надежд кого-то из однополчан увидеть. Почти все уже ушли из жизни. Годы, раны... Еще пройдет несколько лет и покинут этот мир последние участники той страшной войны, в которой советские люди не дали себя поработить и, ценой страшных потерь и лишений, все же сломали хребет гитлеровскому зверю.

Но мы победили, и это самое главное и важное в жизни людей моего поколения...